

ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА 1917 г.

© 2010 В.Б. Шепелева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Поступила в редакцию 09.04.2010

В статье анализируются поиски объяснений революционного процесса 1917 г. со стороны жёстких оппонентов большевизма в контексте историко-этноментального среза реальности.

Ключевые слова: революция, Октябрь 1917 г., культурный код, этническая ментальность, историко-этноментальный подход.

Независимо от того, какие это вызывает эмоции, определиться в судьбах XX столетия вряд ли возможно вне контекста революционных потрясений 1917 г. в России. Случайно ли появилось обозначение XX века как “короткого XX века”, четко увязанного в своём *начале* с вехой 1914/1917 гг. (или просто с 1917 г.), да и в конце – со временем обрушения СССР. Представляется, что именно эта неслучайность (и прежде всего – определение *начала*) породила формулу XX века как “века русского”. И тем не менее (особенно в связи с советской катастрофой) дискуссии относительно смысла, содержания событий 1917 г., разрешившихся Октябрём (в итоге – советской эпохой), не утихают, обретая сегодня по целому ряду как внутренних существенных, так и внешних причин особую актуальность.

Мощное расширение историографического и источникового пространства по теме за счёт обнародования на русском языке зарубежной “россики”, советологической литературы, материалов совместных международных проектов; за счёт возвращения и публикаций впервые богатейшего пласта эмигрантских исследований и воспоминаний, воспоминаний-исследований и документальных материалов; за счёт серьёзнейшей отечественной документально-публикаторской работы с конца 80-х годов и т.д. – всё это чрезвычайно ценная реальность последних десятилетий. Однако не следует упускать из виду, что установка: “чем больше учтём, тем лучше” или “всё существенно” – есть иллюзия, как пишет известный отечественный “нелинейщик” Г.Г. Малинецкий. “Провал нескольких крупных исследовательских проектов показал, – по его словам, – что так действовать нельзя...”¹ Кстати, в отечественной научно-исторической практике подобного рода отношение к “фактажу” – “завалам фактического материала... “перекрывающим/

кислород” ...исторической мысли...”, проговаривалось не раз². Ясно, что вне той или иной системы координат – осмысленных теоретико-методологических оснований – речь может идти разве что о формировании занимательных колллекций (впрочем, и здесь потребуется некое намеренное – и далеко не беспроблемное – пресечение стихийных теоретико-методологических поползновений или – сильная постмодернистская “коллажная” установка).

Представляется, что в исследовании *нелинейного* мира (в частности, мира людей и особенно в переломной ситуации) необходимо выявление: 1) сущностного – внутренних тенденций *саморазвития* и 2) тенденций *самоорганизации-саморегулирования* для сложноорганизованных систем в 3) *конкретных* (в том числе – метасистемных) *обстоятельствах* “поле возможностей”, а потому и спектр допустимых управляющих воздействий и одновременно фактаж уровня “информационных шумов”. В этой связи относительно истории общества востребуются понятия *культурный* или *цивилизационный код*, *онтологический код истории* – иначе: актуализируется историософский и историко-этноментальный (по-другому – цивилизационный или культурно-генетический) подход. При этом внутренние тенденции *саморазвития* сопряжены с *ядром* культурного кода, а в нём, как представляется, главное – антропологические концепты. Поэтому и первый, и второй подход требуют определиться с антропологической концепцией (“что есть человек?”) как самого исследователя, так и объекта – объектов исследования. Заметим, что историософский подход предполагает, помимо прочего, непосредственное, а историко-этноментальный – опосредованное использование и “формационного” среза реальности.

И если всю совокупность наработок по Октябрю 1917 года (по “большому 1917 году”) можно свести к 1) признанию или 2) непризнанию за ним статуса *революции* – закономерного, внут-

Шепелева Валентина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии. E-mail: VShepel@rambler

ренне обусловленного конструктивного явления, то не антропологическая ли концепция-представления русского суперэтнуса, входящая-входящие, естественно, в ядро его “культурного кода”, прежде всего выступает матрицей-определятелем возможного, предопределяемого изнутри, исторического выбора страны?

Действительно, вся либеральная, меньшевистствующая, а в определенной степени и большевистская рационалистически-прогрессистская Россия плюс западные наблюдатели ожидали в начале XX в. и в связи с Февралём³ реализации в стране буржуазно-либеральной альтернативы; В.И. Ленин весной 1917 г. вовсе не исключал подобного исхода.⁴ Зато пользующиеся стихийно или осознанно “культурно-генетическим методом” “правые” (см. П.А. Дурново и др., а гораздо ранее – К. Леонтьев), М. Вебер, русские религиозные философы, некоторые либералы (см. А.С. Изгоева), не говоря о последовательных неонародниках, прозревали так или иначе, что “революционное движение в России неизбежно вырождается в социалистическое” из-за “принципов бессознательного социализма... широких слоев населения”, из-за “архаического аграрного коммунизма” крестьян и новейшего социализма рабочих эпохи позднего капитализма, в силу специфики, как будет определено позднее, “русской идеи”, “цивилизационного кода” России.⁵ Примечательны в этой связи (хотя и небесспорны) выводы современного отечественного историка А.В. Гордона о том, что “одновременно с постепенным укоренением начал цивилизации Нового времени в русской общественной мысли нарастало критическое отношение к ней и как к западной, и как к буржуазной”. Причем “первая линия – по мнению автора – выражала себя идеалом православно-монархической имперской цивилизации, в котором просветительские принципы цивилизованности соединялись с мотивами национальной идентичности; вторая представляла сплав европейского социализма с идеалами общинности”. А в итоге “обе линии сходились на той или иной разновидности “русского социализма”...”.⁶

Однако эти две линии, конечно, не поглощали всех векторов общественной мысли России, ценностно-идеальных устремлений, жизненных интересов разных репрезентативных групп – слоёв – срезов российской “многонародной нации”. Более того, “первая”, по А.В. Гордону, линия, представленная “идеалом православно-монархической имперской цивилизации, в котором просветительские принципы цивилизованности соединялись с мотивами национальной идентичности” и приводили к социализму, вызывает вопросы применительно к достаточно широкому кругу “державников” (и прошлого, и настоящего),

скажем, к достаточно яркой фигуре Г. Мейера – православного “реакционера-националиста” (по самопрезентации), жесткого русского имперца-монархиста, антифевралиста, вообще яростного противника революции, участника журнала “Возрождение” в эмиграции и исследователя истоков революции.⁷

Любопытно, что в случае с Г. Мейером не годится и предложенная нами выше предельно обобщающая группировка проблемной историографии по принципу 1) признания или 2) непризнания за Октябрем или “большим 1917 годом” статуса *революции* – закономерного, внутренне обусловленного конструктивного явления. Дело в том, что Мейер признает *революцией* российский 1917 год, более того, подчеркивает, что речь в России идет именно о “*настоящей революции*”, которая “в отличие от смуты и бунта никогда не возникает... из неудовлетворенности материального порядка”, но “зарождается в безрелигиозной пустоте, когда правящие... круги теряют веру”, и начало тому – “60-е годы XIX века”. Органичность, почвенность революции 1917 г. для автора несомненны, но несомненна и её *инфернальность*. При этом Г. Мейер подчеркивал: “Правду надо сказать до конца: освобожденный февральскими деятелями... ставший вполне суверенным, народ откровенно предпочел всему, в том числе и хлестаковскому “февралю”, разбойный “октябрь””, но все это – “фазы единого и неделимого революционного зла”.⁸

Таким образом, факт: органичность-закономерность, почвенность, “настоящность” революции – и вместе с тем – это зло. Как выстраивается подобная логическая цепочка? Г. Мейер (кстати, как и постоянно цитируемый автором И.А. Бунин) дифференцирует историческое население России, но, пожалуй, более основательно, чем русский писатель⁹, заявляя, что есть *народ* – “скопление людских биологических индивидов”, и “*нация*”, которую “основывают вопреки и в противовес народу – герой, гений и святой при содействии... немногих избранных людей”. И потому, оказывается, “Россия и русский народ не только понятия не совпадающие, но... понятия взаимно друг друга исключают” (! – В.Ш.). “Вот именно эта народная толща... /с её/ безбожными дикими племенными инстинктами... оказалась... в России никем и ничем не прошибаемой”, а “отсюда чрезмерная тонкость и хрупкость российского культурного слоя, российской имперской нации”, сокрушался последовательный “возрожденец” и неистовый оппонент П.Н. Милюкова в эмиграции (не замечая при этом некоторых своих буквальных заимствований у последнего).

Кстати, не следует ли усматривать в Г. Мейере и первого отечественного мастера “констру-

ируемых сообществ”? Во всяком случае, резко отрицая сопричастие России-нации глубоко антипатичных ему народничества, славянофильства (и явно перекликаясь при этом в оценках последних с нынешними А.С. Ахиезером и его коллегами), он даже соглашается признать “правду марксизма”, правда весьма оригинально им понимаемую. “В марксистском учении, – пишет автор, – содержится немалая доля истины... оно проповедует *идею*, имеющую как бы свое самостоятельное бытие и *извне организующую и перевоспитывающую* человеческое общество. <...> ...марксизм... верит в *идею*... прививаемую народам *извне*, в целях *выработки* психически и телесно *новой человеческой породы*”. И потому “учение Маркса... злодуховно, но все же оно духовно”, и здесь даже не исключается возможность “из Савла преобразиться в Павла” (жест в сторону уважаемого П.Б. Струве), в полную противоположность абсолютно бездуховному, оказывается, народничеству и славянофильству. Вопреки “народнической вере в народную утробу”, по марксизму “народ ... не есть носитель “правды”... “правда”... обретается не в народе, а в *организующей его идее*”. Такое – мейеровское представление о марксизме очень близко мейеровской концепции нации. “Как будто бы, – писал он с негодованием, – истинная самобытность любой нации может возникнуть по щучьему велению из так называемых народных недр...”. Ничего подобного, оказывается, “Петр, путем чужеродной, насильственно сделанной прививки, преобразил *зоологическую человечину* в людей и россиян (! – вот, кстати, и “россияне” – В.Ш.)”. Солидарно автор цитирует Lagarde: “...нации не состоят из миллионов; они состоят из отдельных людей, сознающих национальные задачи и ... способных, встав впереди *нулей* (! – В.Ш.), обратить их в действительную величину”. К тому же, оказывается, “нацию рождает... *право гражданства*” (совершенно либеральный подход; ср., кроме того, современные противопоставления: “политическая нация”!“этническая нация”).

Любопытный расклад в итоге получается у “истинно православного”, истинного носителя “белой идеи” имперца, националиста. “Мы должны, – настаивает он, – непрестанно помнить, что Россия-нация, Россия – великая держава и Россия-цивилизация и культура – неотделимы от Европы... мы всегда были частью Европы... наше национальное развитие совершалось по обще-европейскому образцу”. Отличие же состоит “в природе основного этнического /т.е. великорусского/ субстрата, на котором возведена наша культурная и национальная постройка”. И мы “чужды были... и есть” Европе именно “как этническая стихия”. Причем если “на Западе эта

стихия представляет наследие ... многих тысячелетий древневосточных и античной культур”, то “у нас... кочев/ую/ кибитку скифа... скифскую бездну, ужас которой ...заставил нас некогда обратиться к варягам” (этот “обогащенный славянофилами и всеми... народниками” субстрат – “самобытность... есть не что иное, как наша скифская бездна... из которой ... все центробежные безумства, вся “первобытность” нашей истории. И плоть от плоти и кровь от крови этого этнического хаоса – наша проклятая Богом “общественность”” – негодует автор). И оказывается, “действительный смысл...бытия... самодержавия – борьба с нашей темной этнической стихией... этнической бездной, которая всегда противостояла ему” (как, видимо, и общественность? – В.Ш.), и суть “Петербургской программы ... борьба с этнизмом”¹⁰. Зато славянофилы, народники всех оттенков – “общественность, провозгласив “самобытность” первым членом своего Символа Веры”, привели страну “туда, куда неизбежно и должны были” привести – “к Революции, к большевикам”.

Итак, *специфика, особость* России (как и Европы), следовательно – объективно – *то*, что определяет лик каждой из них, – в “этнизме”, этнической стихии. Но наш “этнизм”, по мнению “имперца-националиста”, ничтожен и ужасен, и с ним только и знало что боролось самодержавие, но недоборолось, потому и – большевизм (и, добавим, наличность русских – русского суперэтнуса). Если же его – “этнизм” - исключить, то мы, получается, – стопроцентные европейцы... Впрочем, не вполне – у европейцев-то наличествует собственная очень приличная “древневосточно-античная” этническая стихия, и мы в таком случае – чистые европейцы, но как бы урезанные, обрезанные. Зато (при исключении великорусского этнизма – а объективно: русского народа, русского суперэтнуса) не было бы Революции и большевиков (с чем не поспоришь). Правда, “этническая стихия” и “народ” у Г. Мейера – одно, а в противоположность им – “нация”, совсем другое. И тогда “мы”, “нация”, если быть корректными и последовательными, видимо, предстанет как сообщество единомышленников Г.Мейера и П.Б. Струве по журналу “Возрождение”. Несомненно, ни революции, ни большевиков в таких условиях бы не объявилось. Вот только при чем здесь “Великая Россия”, “культ Отечества”, православие, соборность, патриотизм, да и реальный национализм? Притязания на Пушкина, Гоголя, Тургенева, Тютчева, Достоевского? Зато совершенно справедливо: народ, этническая стихия – основа и Революции, и утверждения в России большевиков.¹¹

Итак, у Г.Мейера получается: 1917 год, конкретно Октябрь – это настоящая революция, глу-

боко укорененная в российской реальности, в русском суперэтнотипе, но это зло. А главный источник революции, множества иных исторических бед России, зла – “великорусский этнизм”, получается – русский народ, потому что этническое сообщество – факт, пока есть его этническая ментальность = культурный код. Впрочем, повторим, автор и прямо утверждает: “Россия и русский народ /это/ понятия взаимно друг друга исключают”. Страстный авторский “европеизм” при этом вполне логичен, вот только как быть в таком случае с причислением ко злу 60-х буржуазно-реформаторских годов – непонятно. Зато православие, соборность, патриотизм, русский национализм здесь явно неуместны.

Сходный вариант истолкования Февраля и Октября можно усматривать в позициях П.Б. Струве (при всей их противоречивости): ср. его оценки Февраля в марте 1917 г.: “Зло само в себе оскудело и обрушилось... Твердыня зла пала в России” и – в связи с Октябрем: “поразительная катастрофа, которая именуется революцией и которая... означает величайшее во всех отношениях падение нашего народа”. Струве после Октября склонялся к интерпретации событий 1917 г. (и последующих) как *единой революции*, причем именно сквозь призму Октября (понятие “революция” при этом у автора резко проблематизировалось). Он допускал возможным – но лишь “в политико-психологическом смысле” – разводить Февральско-мартовскую и Октябрьскую революции, которые тем не менее “социологически-исторически и метафизически-духовно” – одно: “духовно, морально-культурно и политически революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс... приготавливавшийся десятилетиями”. И поскольку “реально *вся революция* как народное движение рождалась и родилась из духа большевизма... большевизм выражает русскую революцию”. А потому теперь – от начала и до конца для Струве: “Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых... с февраля 1917 года событий”. Но, то есть, все-таки революция? – Да. Укоренена в российской реальности? – Несомненно. Однако, оказывается, “приятие революции” есть приятие “эмпирического народа” или того, что “в данный исторический момент приемлет... большинство населения”, а это – фактопоклонство...преклонение перед пагубным и злым фактом” и только, тогда как к “метафизическому русскому народу” большевизм не имеет никакого отношения. Зато якобы имеет сам П.Б. Струве, поддерживавший, в частности, всеми силами П.А. Столыпина, его аграрную политику, кото-

рая “кажется консервативной, но в существе своем... есть попытка перестроить Россию *в самых её глубинах*” (! – В.Ш.) - ибо это попытка создать, насадить *частную собственность, частных собственников* в деревне, а Струве – убежденный сторонник “*трансцендентного эгоизма*” как якобы сущности христианства – “учения и пути *личного спасения*”. Фактически - противник важнейших составляющих “русской идеи”, как её выявляли русские религиозные философы, противник диалектики в пользу схоластики - номинализма – плюралистического миропонимания в противоположность традиции отечественного теоретизирования; сторонник государства, опирающегося на идеи империализма и *либерализма*, усматривающий *либеральные* основания в “золотом веке” русской культуры¹² и т.д. – и он, как ему представляется, имеет отношение к “метафизическому русскому народу”... Правда, заметим, очень показательна в этой связи дискуссия прежних близких друзей С.Л. Франка и П.Б. Струве, завершившаяся фактически признанием в конечном счете Петром Бернгардовичем, что лишь на почве протестантизма связались концы с концами в его построениях и поисках.¹³

В целом же, повторим, проблема исторического выбора страны – в нашем случае выбора России в 1917 г. – должна решаться исходя из выявления внутренних тенденций развития её и “вызовов Времени”, иначе – опираясь на цивилизационный (прежде всего историко-этноментальный) и формационный подход. Первый обращен главным образом к духовному миру, психической – ментальной сфере; второй – к социальной, т.н. “второй природе”. Однако разобратся в динамике и первого, и второго мира невозможно вне историософского контекста, требующего, в свою очередь, концептуально-антропологического самоопределения.

Если попытаться самым сжатым образом представить сложившиеся на сегодня характеристики событий, тенденций 1917 года, то оказывается, что глубокая обусловленность и Февраля, и Октября явно или неявно фиксируется, обозначается большинством вспоминающих, анализирующих, разрабатывающих эти проблемы современников, пусть и при крайне негативном восприятии этих событий, пусть и вопреки заявленным позициям пишущих. Можно сказать, что “пессимизация” относительно потенциала, конструктивных возможностей царизма, затем Временного правительства проступала в подаче современников (да и позднее – особенно в рамках зарубежной “социальной истории” вплоть до советской катастрофы) как преобладающая линия-тенденция. Любопытно, что в кругах принципиальных противников больше-

визма, советской системы с самого начала среди прочего наметилась практика интуитивно-антропологического свойства: несомненная укоренённость происходящего в российской толще-почве приводила к попыткам вычленения “действительно России”, “России-нации”, “России-державы”, с одной стороны, и... этой самой “толщи”, “почвы”, “нутра” – с другой. Особенно говорящи в этом отношении (помимо подхода И.А. Бунина, П.Б. Струве, большей части российских либералов через формулы “Ахерона-Ахеронта”, “народа = низшей расы”¹⁴; а по-своему и социалистов – через формулу вроде “тупорылых земледов”¹⁵) обобщения жесткого российского имперца, монархиста, яростного противника революции, “реакционера-националиста” (по самопрезентации) Г. Мейера. Обобщения, по которым получается, напомним, что проблема-беда в российской толще-почве, а иначе – “народ не тот”.¹⁶ Не тот, поскольку силой своего “этнизма” – культурного кода привел страну “туда, куда неизбежно и должен был” привести – “к Революции, к большевикам”¹⁷. И как несомненное подтверждение тому – фиксация и современниками, и позднее “низового большевизма”, “большевизма масс”, “большевизма” в самых разных слоях и стратах российского общества (вплоть до “церковного большевизма”).¹⁸

Вместе с тем предложенный Г. Мейером, П.Б. Струве и др. метод анализа реальности убедительно и вне намерений авторов обнаруживает, что неприятие революционного процесса 1917 г., Октября несовместимо в конечном счёте с культурным или цивилизационным кодом русского суперэтнуса, России, при том что ядро этнической ментальности русских глубоко комплиментарно новейшим “вызовам времени” (начиная с эпохи “капиталистического империализма” и до сего дня).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.”, государственный контракт №02.740.11.0350.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Катица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М., 2001. С.79, 75-76.
² См.: История и социология. М., 1964. С.95; Ермишина С.А., Наумова Г.Р. Что мы ждем сегодня от историографической интуиции? // Традиции русской исторической мысли. Историософия. М.: МГУ, 1997. С.16-17; Малинов А., Погудин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С.184, 186, 187-193; Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории:

учеб. пособие. М., 1997. С.53-54. “Слишком большое стремление к точности не полезно, а часто бывает помехой в процессе исследования”, предупреждал Л.Н. Гумилев. – Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало // Свод №2. Международный альманах. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. С.58, 400, 438.

³ См.: Милоков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.; Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года: Семнадцатый год: в 3 т. Т.1. М., 1992. Ч.1. Гл.V, VII, XVIII-XIX, XXXV; Ч.II. Гл.II, VII; Т.2. Кн.1. Гл. VII, X, XXXI, XXXVII, XLV, L; Кн.II. Гл. XI, XII, XVI, XV; Мартов Ю.О. Избранное. М., 2000. 672 с.; Струве П.Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. 352 с.; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчёты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций 27 февраля-25 октября 1917 года: в 5 т. Т.3. М.: РОССПЭН, 2002. С.15-17, 20-22, 26-27, 28, 295-307; Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Изд-во “Бельведер”, 2003. С.35, 39, 48-49, 60-61, 63, 65-68; Дневник П.Н. Милокова. 1918-1921. М.: РОССПЭН, 2004. 847 с. См. также: Тоттокин С.В. Большевизм как идейно-политический феномен // Большевики: Документы и материалы, 1903-февраль 1917 гг. М., 1996. С.5-25; он же. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.; Абрамович Р.О. Ю.О. Мартов и мировой большевизм // Мартов Ю.О. Избранное. М., 2000. С.616-630; Милоков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.

⁴ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции... Автореферат // Полн. собр. соч. Т.17. С.172; он же. Петроградская общегородская конференция РСДРП (б) 14-22 апреля // Полн. собр. соч. Т. 31. С.241, 249.

⁵ См. подробнее: Аврех А. Я. Распад третьиюньской системы. М., 1985. С.15,16; Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №1-2; Кустарев А. Начало русской революции: Версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. №8; Иоффе Г. Читая “Архив русской революции” // Архив русской революции. М.: ТЕРРА, Политиздат, 1991. С.XII; Милоков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С.14; Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Политическая наука. Россия: опыт революций и современность / Проблемно-тематический сб. II. М.: ИНИОН, 1998. С.5-121; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С.483-486 и др.; Шенелева В.Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России по материалам отечественной и зарубежной историографии: Учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 2005. С.102-111. Относительно бердяевской оценки в 1907 г. характера возможной новой революции см.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма: Репринт. М., 1990. С.93.

⁶ Гордон А.В. Великая французская революция как явление русской культуры: К постановке вопроса // Исторические этюды о французской революции. / Памяти В.М. Далина / М.: ИВИ РАН, 1998. С.111. См. также: Гордон А.В. Великая французская революция, преломленная советской эпохой // Одиссей. Человек в истории, 2001. М., 2001. С.311-336.

⁷ См.: Мейер Г. У истоков революции. Frankfurt / Main: Possev-Verlag, 1971. 256 с.

⁸ Мейер Г. Там же. С.48, 73, 99, 212-213.

⁹ См. "Окаянные дни" И.А. Бунина.

¹⁰ Любопытное наблюдение по вопросу соотношения самодержавия и народа (культурного кода русских).

¹¹ Мейер Г. Указ. соч. С.35, 48, 56, 63, 102, 136, 196, 211, 212, 254.

¹² Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы. Учеб. пособие. М., 1999. С.96-104, 129, 135, 146-152, 356-372, 396-425 и др.

¹³ См. по: Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П.Б. Струве и С.Л. Франка (1922-1925) // Вопросы философии. 1993. №2. С.119-139.

¹⁴ См. позиции кадетов уже по ходу первой русской революции и позднее, в частности суждения В.А. Маклакова, позднее П.Н. Милюкова и в "Истории второй русской революции", и по Воспоминаниям".

¹⁵ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3 т. в 7 кн. М., 1991. Т.2. С.28.

¹⁶ См.: Ахизер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. №4-5. С.3-25, 25-45; *он же*. Жизнеспособность российского общества // Общественные науки и современность, 1996, № 6. С.58-66; *он же*. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. Т.1. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: "Сибирский хронограф", 1997. 805 с.; *он же*. Открытое общество как предмет исследования историка (проблема предистории открытости в российской истории) // Исторический ежегодник. 2002-2003. Омск: ОмГУ, 2003. С.6-16; Ахизер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А. и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2003. 610 с.; см. также: Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1993. 250 с.; Гомаюнов С.А. Анатомия антисистемы: к вопросу о природе тоталитарных обществ. Киров, 1991. 100 с.; Артемов В.А. Н.А. Бердяев об истоках и сущности советского тоталитаризма // Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления: Матер. междунар. науч. конференции. Кемерово, 2003. С.61-69 и т.д.; см. кроме того цивилизационно-антропологические европоцентристские позиции К.М. Кантора по работе: Кантор К.М. История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики). М., 1992. 150 с.; внутренне достаточно противоречивые, на наш взгляд, работы по проблеме "антимещанского комплекса" в

ментальности, сознании русских (Бухараев В.М., Аккуратов Б.С. Антимещанский комплекс отечественной литературы // История России XIX-XX веков: Новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С.190-206; Бухараев В.М. Революционная теория как языческое истолкование общества и истории // Религия в современном обществе: История, проблемы, тенденции. Казань, 1998. С.127-130). Элементы этого же подхода просматриваются в некоторых работах В.П. Булдакова, см.: Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42-60; № 2. С.20-47; *Он же*. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 376 с.; см. кроме того о самой ситуации "ментально-цивилизационного оппортирования" судьбам исторической России: Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.; Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. 496 с.; Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема Восток-Запад. М., 2001. 256 с.; Фроянов И. Октябрь семнадцатого: взгляд из настоящего. М., 2002. 256 с.; Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005. 536 с.; Назаров М.В. Россия накануне революции и февраль 1917 года // Наш современник. 2004. №2; Рыбаков С. Православное понимание русской истории: историографический аспект. Екатеринбург, 2006; Шепелева В.Б. 1917 год в России: опыт анализа историографической ситуации // Вестник Омского университета. Вып.1 (15). Омск, 2000. С.79, 81; *она же*. Кантор К.М., русская идея, марксизм // История и культура Сибири: Матер. юбил. науч. сессии ОФОИИФФ СО РАН Омск, 2001 С.154-156 и др.

¹⁷ См.: Мейер Г. Указ. соч. С.37, 39, 40.

¹⁸ См. работы: Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и "антибуржуйское" сознание // Отечественная история. 1994. №1. С.17-27; Абросимова Т.А. Социальные группы и их политическое сознание // Анатомия революции 1917 г. в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Гордеева И. Социалистические и леворадикальные идеи и движения в России // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С.389-407.

ON THE HISTORIOGRAPHY OF THE REVOLUTIONARY PROCESS OF 1917 IN RUSSIA

© 2010 V.B. Shepeleva

Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky

In this article various explanations of the revolutionary process of 1917 given by stern opponents of Bolshevism are analyzed within the context of historical and ethno-mental reality.

Key words: revolution, October 1917, culture code, ethnic mentality, historical and ethno-mental approach.